УДК 7(4/9): 902(4/9)

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕНГЕРСКОГО ПАРАДНОГО МУЖСКОГО КОСТЮМА И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ЭПОХИ «ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ» (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

© 2019 г. К.А. Руденко

Статья посвящена реконструкции средневекового венгерского мужского костюма на основе комплексного анализа изобразительных материалов и археологических данных. Это восполняет имеющуюся лакуну в изучении раннесредневекового венгерского костюма эпохи «Великой Венгрии», поскольку основное внимание чаще всего уделялось женской одежде и украшениям. Источником для реконструкции стали изделия урало-венгерского центра художественного металла с изображением всадника с ловчей птицей - так называемого «сокольничего» (рис. 3-2; 4; 5-6). Автор считает, что несмотря на то, что этот сюжет имеет широкое распространение, но сюжет: охотник с соколом или орлом наиболее характерен для IX в. и связан со степями Восточной Европы. Судя по рисункам на изделиях уроло-венгерского центр и данным из раскопок могильников IX- начала X в. в Татарстане и Башкирии мужской парадный венгерский костюм (верхняя одежда) включал в себя длинный кафтан, поясной ремень, сапоги головной убор. Головной убор представлял собой невысокую шапочку с округлым верхом, сшитую из меховых шкурок и ткани или матерчатую (войлочную) шапочку с полукруглым верхом и завернутыми наверх полями. Кафтан двухбортный, украшенный шелковой каймой по подолу и на рукавах. Сапоги сложно кроя с мягкой подошвой без каблуков с высоким голенищем (рис.5). Из вооружения - сабля или колчан. Из конского снаряжения – уздечка с псалиями, седло со стременами, ремни украшены накладками и декоративными подвесками круглой или сердцевидной формы.

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, Великая Моравия, хазары, Урал, Волга, средневековое искусство.

Реконструкция костюма древних эпох по археологическим материалам, сталкивается со многими непростыми проблемами, что не раз отмечалось в литературе (Яценко, 2006, с.20). Проверить правильность реконструкции непросто и в этом плане неоценимым источником являются изобразительные материалы, дающие представление о одежде, прическе, различных аксессуарах в комплексе, хотя и применительно к этим материям также требуется тщательное источниковедческое исследование (Яценко, 2006, с. 21–24). Изучение костюма народов Среднего Поволжья эпохи средневековья сталкивается с рядом проблем: для эпохи Волжской Булгарии - это отсутствие погребальных комплексов вследствие преобладания захоронений по мусульманскому правилам, где сопровождающие вещи отсутствуют. К этому надо добавить наличие социального костюма, костюма лиц духовного звания и т.п. (Руденко, 2010, с. 315 – 340). Недавно появилось исследование костюма VII – первой половины VIII в. населения Самарской Луки (Богачев, Французов, 2012), однако костюм угорского населения, как и булгарского VIII – IX вв. в нем не рассматривался, что было отмечено в рецензии на эту монографию (Лифанов, 2014, с. 267).

В отношении костюма IX в. угорского населения Среднего Поволжья на археологических материалах первые реконструкции были сделаны в публикации материалов Больше-Тиганского могильника (рис.1;2), исследованного Е.А. и А.Х. Халиковыми в 1970-80-х гг. (Chalikowa, Chalikow, 1981), откуда эти рисунки стали копироваться в других изданиях как научных, так и научно-популярных. После этого к этой теме никто не обращался, прежде всего вследствие малой доступности этой книги для российских исследователей, хотя в археологических штудиях эти данные привлекались регулярно. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев внимание ученых привлекал женский костюм и прическа, поскольку он отличался обилием выразительных украшений и аксессуаров (рис.1-3,4; 2).

Мужской костюм угров Предуралья в этом плане был менее интересен в силу скудности археологических свидетельств. По материалам Больше-Тиганского могильника мужская плечевая одежда реконструировалась в виде короткополого кафтана без воротника

с длинными рукавами, сужающимися к запястьям (рис.1-1,2). Реконструкция эта гипотетическая поскольку остатки самой одежды из захоронений не позволяли воссоздать детали ее внешнего вида.

Ситуация несколько изменилась в 1990-х гг. когда Б. И. Маршак и Н. В. Федорова атрибутировали изделия урало-венгерского центра, где имелись изображения всадников. По ним можно воссоздать те элементы, которые нельзя восстановить по археологическим данным, в частности одежду или части конской упряжи, выполненные из ткани или дерева. Эти материалы, которые хранятся в МВК им. И. С. Шемановского ЯНАО и Государственном Эрмитаже пополнились в начале XXI в. предметами из частных коллекций, ставшими доступными для научного изучения.

Несмотря на достаточно большой разброс мнений по поводу оценки представительности угорских материалов в древностях Волго-Камья (Второй, 2013), атрибуция относительно небольшой группы изделий урало-венгерского центра художественного металла, датированных преимущественно IX в., достаточно хорошо аргументирована (Руденко, 2016, с. 64 – 71). Остается открытым вопрос о месте локализации этого центра (Руденко, 2016а, с. 334 – 338), если это вообще возможно сделать.

Основным источником для реконструкции мужского костюма IX в. эпохи «Великой Венгрии» являются несколько артефактов с так называемым «царским сюжетом» или сюжетом «царской охоты». Это орнаментированная круглая серебряная накладка из собрания Фонда Ш. Марджани (Москва) (ФМ, инв. №Им/м-397) (рис. 3-2), разрезанное серебряное блюдо и целое серебряное блюдо из фондов МВК им. И. С. Шемановского ЯНАО (Сокровища, 2003, с. 53, 57, кат.19, 22) (рис.4) и серебряное блюдо из собрания Государственного Эрмитажа найденное у починка Утемиль Глазовского уезда Вятской губернии (Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157; Артамонов, 1962, с. 261) (рис. 5-6). Отметим, что почти идентичный сюжет встречен и в Подунавье. Речь идет о серебряном медальоне, происходящим из Старого Места в Великой Моравии и датированный не ранее середины IX в. (Dekan, 1976, ил.131; Поп, 1988, с. 19, 21). Это серебряное монетовидное изделие диаметром 4 см; с рельефным изображением на лицевой стороне всадника с ловчей птицей (рис. 5-1) выполненное чеканкой. Всадник показан непропорционально большим, значительно крупнее самого коня. Верхняя половина его туловища и голова развернуты в фас к зрителю; нижняя половина - в профиль.

Наездник сидит в седле с высокими луками, которое закреплено на крупе лошади несколькими ремнями. Под седлом - по́тник, украшенный снизу круглыми нашивками и окантованный по краю полоской ткани. Наличие стремян можно предполагать, хотя явно на изображении их не видно. Оружия у всадника нет. Одет он в кафтан из плотной материи, с правым (?) запа́хом. Воротник глухой, плотно облегающий плечи и горло или же это может быть видимой частью накидки или плаща. Пояс украшен накладками. Сапоги с высокими голенищами имеют острые носки.

В правой гипертрофированно увеличенной ладони зажат повод и вероятно плеть, от которой видна рукоять, а на левой сидит крупная хищная птица с мощным клювом и длинным оперением. Голова всадника обнажена, длинные волосы свободно спускаются на плечи, прикрывая уши. Лицо европеоидное, крупное. Лоб открытый высокий, глаза круглые широко расставленные; нос прямой, подбородок тяжелый. Рот узкий, губы плотно сжаты.

Конь с длинной гривой и хвостом неторопливо двигается влево. Детально показаны ремни оголовья: нащечный, налобный, наносный, затылочный. Удила и псалии не изображены. Фон обработан пунсоном. Медальон оконтурен выпуклым орнаментальным пояском с имитацией витья. За исключением деталей, рисунок на этом медальоне очень близок изображениям на предметах, отнесенных к урало-венгерскому центру художественного металла (рис. 3 -2).

Сюжет. Изображенная на данных изделиях «царская охота» относится к так называемым «бродячим сюжетам». Его в такой иконографии можно найти в искусстве поздней Римской империи и Византии, а также в Иране эпохи Сасанидов (Банк, 1978, рис. 34, 35; Тревер, Луконин, 1987, с. 107 – 110). Здесь акцент делается на сцену охоты на животных - кабанов, львов, газелей, реже зайцев, иногда с участием собак. Ловчие птицы в данном случае были не уместны. Главный герой всегда изображался в полной экипировке, а конь в полном снаряжении. Тщательно были показаны не только предметы вооружения, но и мелкие подробности - орнамент на такни из которой была сшита одежда царя, прическа, украшение конской сбруи, особенности

стрижки гривы и хвоста коня. Это внимание к деталям прослеживается и в согдийском искусстве VII – X вв. (Маршак, 1971, рис. 9). Вместе с тем, изображений царской охоты с ловчими птицами мы на согдийской торевтике не найдем. В римско-византийском искусстве императора чаще всего сопровождали изображение богинь - свидетелей триумфа (Банк, 1978, рис. 4).

Конечно, существовали и схожие сюжеты. Например, в Подунавье в искусстве фракийцев с античного времени и до V–VI вв. присутствовало изображение божества или царя поражающего копьем животное[1], нередко в сопровождении собаки (Фракийское, 2013, с. 68,69, кат. 5). Близкий сюжет зафиксирован на Балканах и позже - в рельефном изображении Мадарского всадника, датированного VIII в. (ок. 710 г.) созданном уже болга́рами.

Возвращаясь к римско-византийским образам, отметим, что из рассматриваемых сосудов только утемильское блюдо (рис.5-6) может быть своеобразным отголоском этой традиции. На нем помимо главного персонажа изображен и еще один человек более низкого статуса, о чем свидетельствует существенно меньший размер его фигуры и поза просящего.

Возможно, что сюжет с ловчей птицей связан с элитой кочевых обществ, и сформировался в восточноевропейских степях в VIII-IX в. в период кочевых тюркских империй частью которых являлись продвигавшиеся с востока на запад венгерские племена. За более узкую культурную интерпретацию данной группы изделий говорит и то, что этот сюжет не встречается в искусстве болгар-хазар Приазовья в VII – X вв. В Хазарии в воинской среде имели хождение изображения батальных сцен, включенных в некий мифологический контекст (Флерова, 2001, с. 147, рис. 5), но изображения всадников с ловчими птицами на них не встречаются. Таким образом сюжет с сокольничим (всадником с ловчей птицей на руке) получает распространение в данной трактовке с IX в. и более характерен для кочевников восточноевропейских степей, что позволяет использовать их для нашей реконструкции.

Снаряжение коня и всадника. Наиболее близкое к реальности изображение лошади имеется на накладке из Фонда Марджани и на салехардском блюде (рис. 3-2; 4). Но при этом в обоих случаях голова у нее непропорциональна мала по сравнению туловищем. Холка высокая; спина седлистая, мягкая; живот поджарый. По внешнему виду лошадь может быть отнесена к степным породам. Художник показал лошадь в тот момент, когда она неспешно движется. Грива ее аккуратно расчесана; хвост также расчесан, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом.

Конское снаряжение достаточно стандартно и в такой комплектации ремней и аксессуаров фиксируется с VIII – IX вв., распространившись на просторах Евразии, особенно вдоль Великого Шелкового пути, о чем можно судить, например, по глиняной китайской погребальной миниатюрной скульптуре начала VIII в. (The glory, 2003, p. 176, 177, cat. 91) (рис. 6 -2) или более раннему византийскому изображению (рис. 6-1) (Bayet, 2009, p. 57).

Ремни оголовья лошади если рассматривать все изображения, были в такой комплектации: налобный, нащечный, подбородочный, наносный. В одном случае показаны S-видные псалии с окончаниями в виде «сапожков». Художником детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. Почти на всех артефактах, на них показаны прикрепленные подвески сердцевидной формы: четыре – на одном ремне и три – на другом. Эти ремни помимо этого украшены накладками прямоугольной формы, как и портупейные ремни, а также пояс на всаднике. Эти элементы присутствуют практически на всех изображениях охотников с ловчей птицей (Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157).

Под седлом изображен нарядный чепрак из сукна или тканной материи с окантовкой по краю, прикрепленный к задней луке. Он мог заменять по́тник, но по рисунку на бляхе это установить практически невозможно. Не видны также ремни подпруги, но изображено путилище и стремя.

Стремена такого типа достаточно широко распространены на памятниках IX–X вв. Восточной Европы, в том числе в Южном Приуралье и на Средней Волге, например, в Бекешевских курганах на Южном Урале (Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31-23), в Больше-Тарханском (Генинг, Халиков, 1964, табл. IX - 10-12) (рис. 7-2,3) и Танкеевском могильниках (Казаков, 1992, с. 151).

Удилам с такими псалиями имеются археологические аналоги, например, железные удила из катакомбных погребений-106 и 115 Дмитриевского могильника IX в. (Плет-

[1] Сцена охоты олицетворяет царское испытание и конь в данном случае - символ статуса (Фракийское, 2013, с. 68).

нева 1989, с. 82, рис. 38, №106, 115). В катакомбе-106 были также обнаружены стремена, а в тайнике – позолоченный сбруйный набор (Плетнева 1989, с. 230). Практически аналогичные псалии встречены в Хусаиновских и Каранаевских курганах IX–X вв. на Южном Урале, а также в Больше-Тиганском (погребение-12) и Больше-Тарханском могильниках в Татарстане (Мажитов, 1981, с. 44, 106, рис. 22 -9; 57 -14; Chalikova - Chalikov 1981, s. 108, taf. X-25; Генинг, Халиков, 1964, табл. IX -6,7) (рис. 7-1). При этом, в крупнейшем могильнике IX– X вв., оставленном булгарами на Волге - Танкеевском, удил с псалиями такого типа не встречено (Казаков, 1992, с. 152 – 154, рис.57).

Форма подвесок фигурная, что отличает их от подвесок, которые встречаются на рисунках этого времени с изображением всадника. Там они обычно круглой формы или листовидной, что имеет археологические аналоги (Плетнева, 1989, с. 86, 87, рис. 41, 42, катакомба-106 Дмитриевского могильника). Датируются эти археологические аналогии 2-й половиной IX – первыми годами X в. (Плетнева, 1989, с. 172). В целом данный элемент часто встречается как украшение конской упряжи Западной Хазарии – в низовьях Дона и Северского Донца (Дмитриевский, Верхнесалтовский могильники). В большей степени эти материалы датируются IX в.

Накладки на ремни показаны в виде прямоугольных элементов с округлым краем с продольным штрихом посередине. Аналогичный изобразительный мотив имеется на круглой позолоченной пластине из впускного детского захоронения (погребение-32) кургана №3 Каранаевских курганов, а также, как и в данном случае, на нагрудном и подхвостном ремнях на лошади на упоминавшемся выше блюде из Салехардского музея (Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25; Сокровища, 2003, 57, кат. №22). Иконографические аналогии такому рода декору можно отметить на бордюре центрального медальона чаши с изображением льва IX – X вв. из собрания Эрмитажа (Сокровища, 2003, с. 55). Есть и археологические соответствия: прямоугольные поясные накладки известны из погребения-3 кургана №2 Бекешевского I могильника; погребения 2 Ямаши-Таусского кургана в Башкирском Предуралье (Мажитов, 1981, с.36, 59, рис. 17 -10,11; 31.-26). Аналогии в основном связаны с материалами IX - X вв., хотя ранние экземпляры прямоугольных накладок датируются VIII в., а поздние - началом XI в.

Скорее всего, данный мотив содержит некое условное содержание, хотя наличие реальных накладок как его прототипа допустимо, например, прямоугольных накладок с ребром посередине, с окончанием «ласточкин хвост» и острием в виде широкого треугольника из погребения-9 Больше-Тиганского могильника (Chalikova, Chalikov, 1981, s. 106, taf. VIII.-10).

Подводя итог анализу изображения экипировки коня на рассматриваемой бляхе, можно коснуться еще нескольких деталей. Несмотря на то, что седло плохо различимо, однако судя по изображенной задней луке оно вполне узнаваемо и состояло из деревянного остова: двух лук и двух боковин (ла́вок) обтянутых кожей. Это соответствует седлам кочевников VIII - IX вв. (Тишкин, Горбунова, 2004, с. 42, рис.22). Седло было закреплено на лошадином крупе нагрудным и подхвостным ремнями (рис. 7-4). Они украшены накладками прямоугольной формы, а также сердцевидными подвесками. Можно предположить, что накладки были металлическими; подвески могли быть выполнены и из другого материала.

Головной убор. Голова всадников как правило, закрыта головным убором, из-под которого видна короткая челка с вьющимися волосами (рис. 6) или зачесанные назад прямые волосы. Уши в обоих случаях открыты; очевидно, что волосы на голове подстригали. В одном случае (рис. 3-2) мужчина изображен с коротко стриженной бородой, но без усов. Усов нет ни на одном рисунке. На одной бляхе изображен мужчина без головного убора с выбритой головой и оставленном на макушке длинным чубом.

Головные уборы на рассмотренных рисунках двух типов. Первый - шапочка, сшитая из узких кусочков узорчатой (шелковой?) материи (рис. 3-2). Близкой аналогией ей могут быть шапочки вида 3 из могильника Мощевая балка (по А. А. Иерусалимской). Это круглая низкая шапочка высотой около 20 см при длине окружности в 50 см сшитая из четырех клиньев, а сверху покрытая согдийским шелком на холщовой основе (Иерусалимская, 2012, с. 187, илл. 114). Учитывая, что описанный экземпляр из Мощевой балки был сшит для мальчика - подростка, то если предположить конструктивную близость изображения на бляхе и археологического артефакта, то размеры у первого должны быть несколько крупнее.

Второй вариант головного убора - высокая шапочка с полукруглым верхом и поднятыми вверх боковыми лопастями (рис.4; 5-6). С опущенными лопастями шапочка могла застегиваться маленькой пуговичкой (Доде, 2001, с. 15,16). Конструктивно она близка предыдущему головному убору, только более декоративна и имеет боковые лопасти, а возможно и затыльник. Кроме того, она скроена так, что остается чуть открытым лоб, а над ним имеется украшение в виде трилистника.

Одежда. Всадник одет в верхний распашной длиннополый кафтан, узкий, приталенный, с глубоким «левым» запáхом (правая полá перекрывает левую). Кафтан в верхней части плотно облегает тело всадника, воротника нет, при этом показаны два отворота: верхние углы бортов центрального разреза отогнуты наружу. Отвороты у кафтана разные: правый – треугольный остроугольный, левый – также треугольный, но с небольшим выступом, вероятно, для застегивания. Не очень ясно, как застегивался кафтан в верхней части: петель и пуговиц не видно, но, учитывая глубокий разрез, это могли быть воздушные петли по краю и небольшие кожаные пуговицы. Рукава кафтана узкие, плотно облегающие предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья пятипалая (?) перчатка. Нижняя половина кафтана не застегивалась, имела свободный запáх и была, вероятно, немного расклешена. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнаментом.

Поверхность халата покрыта линиями, вероятно имитирующие складки ткани. Так же можно предположить, что таким образом показан декор верхнего кафтана – его шелковая отделка. Как показывают материалы Мощевой балки, шелк нашивался на полотняную основу кафтана и обшивался каймáми тоже из шелка (Иерусалимская, 2012, с. 215, ил. 132а), в данном случае такие каймы показаны на подоле. На значимость конструкции верхнего кафтана обратила внимание А.А. Иерусалимская. По ее мнению, «левый» запáх и два отворота воротника тесно связаны с Ираном и Средней Азией, в том числе Согдом, и имеют эфталитскую традицию (Иерусалимская, 2012, с. 222, 240).

Нижняя одежда – скорее всего, рубаха с небольшим стоячим воротником, который мог быть сделан из кожи. Кафтан перехвачен поясом, к которому подвешена сабля в ножнах. На одной из рук надета кожаная перчатка. Они шились из кожи или из холста (Доде, 2001, с. 19).

Рассмотренный костюм (за исключением головного убора) похож на изображение на Салехардском блюде. Но на последнем кафтан двубортный, с правым запáхом, но в остальном крой аналогичный: узкие рукава, перчатка на правой руке (на рисунке на накладке – на левой). Правый запáх для костюма кочевника редкость, что может быть объяснено восточным влиянием (Яценко, 2000, с. 360-361).

Пояс. Кафтан в двух случаях перехвачен на талии узким кожаным ремнем с накладками (тесмяной или матерчатый ремень вряд ли мог быть украшен металлическими деталями). На одном рисунке показан матерчатый пояс, свернутый в несколько раз в узкий жгут из той же ткани, что и верхняя одежда.

Обувь. На ногах – остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой без подметок и каблуков; на голенище сбоку показана волнообразная линия (рис. 5-2-5). Остроносые сапожки, сшитые из одного куска кожи, встречены в могильнике Мощевая Балка VIII–IX вв. (Иерусалимская, 2012, с. 232–233). Голенище сапога высокое, и доходило до колена или даже закрывало колено. Сапоги такого кроя известны в археологических материалах из Нижнего Архыза и Мощевой Балки, а также в Хасаутском скальном могильнике VII - XI вв. (Доде, 1994, с. 42, рис. 3; 2001, с.15). Техника изготовления подобных сапог достаточно подробна описана в литературе (Литвинский, 1995, с. 83-84). Такие сапоги шились по сложной схеме, при этом верх сапога обшивался шелковой тканью. Не исключено, что сапоги были окрашены в красный цвет (Яценко, 2006, с. 336).

Интересно изображение (рис. 5-1) где на обуви четко очерченная линия отделяет ступню от голени в районе щиколотки. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с кожаными чувяками с раструбообразным верхом и мягкой подошвой, а в комплекте с ними - полотняные чулки (Доде, 2001, с.15; Иерусалимская, 2012, с. 211, 230, илл. 128; 137). У последних показан прямой вертикальный шов, возможно изображение вставного клина при крое чулка. Впрочем, это не исключает и другую интерпретацию (см.: реконструкция З.В. Доде: 2001, с. 106, ил. 2). В более ранних материалах зафиксированы случаи украшения голенищ сапог расшивкой бисером.

Вооружение. Из предметов вооружения изображались сабля и колчан. У рукояти

сабли - грибовидный набалдашник; от клинка ее отделяет ладьевидная крестовина с круглыми окончаниями (рис. 3-2). Клинок слабоизогнутый однолезвийный, что характерно для сабель «хазарского» или «венгерского» типов VIII–IX вв. известных из археологических раскопок. Длина клинка у них чаще всего была 70-75 см, при общей длине 80 см.; ширина клинка у рукояти около 3 см; острие изогнутое, что в целом характерно для клинкового оружия (Генинг, Халиков, 1964, с. 50). Рукоять сабли имела длину чуть больше 13 см. Почти идентичный аналог имеется в погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника, а также в погребении 52 могильника Мыдлань Шай в Удмуртии, которое по инвентарю может быть датировано IX в. (Генинг, 1962, с. 29, табл. XIII-5; Chalikova-Chalikov 1981, s. 116, 121, taf. XVIII-8; XXIII-22). Крестовина сабли с круглыми окончаниями встречена на саблях из трупосожжений IX в. могильника Дюрсо, а также из Больше-Тиганского могильника в погребениях-6, 8, 9, 12, 28, 33 (Дмитриев, 2003, с. 257, табл. 90 -29, 33, 47; Chalikova, Chalikov, 1981, s.103, 105, 106, 108, 121, 124, taf. V-21; VII-20; VIII-7; X-28; XXIII-22; XXVI-11).

Рукоять на изображении, так и на оригинальных саблях отклонена от основной оси на 6-80, при этом навершия были разными: так на саблях из могильника Мыдлань-Шай оно было железным в виде цилиндра (трубки), как и на саблях из захоронений Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, с. 50). Грибовидные набалдашники как на пластине с «сокольничим» встречаются у палашей в салтовских могильниках второй половины VIII – IX в. (Кочевники 2012, с. 210, кат. №567). Аналогичное оформление имеется у сабель «венгерского типа» в Паннонии и Балканах начала X в. (The ancient, 1996, p. 80, №6. Iotov, 2008, p. 330,331, fig. 2; 3–8). Навершия из мадьярских захоронений по внешнему виду не совсем грибовидные, а скорее усеченноконические или почти цилиндрические с закругленным торцом (The ancient, 1996, p. 87, №10). Встречаются в ряде случаев не цельные навершия, а обкладки рукояти из серебряных декорированных пластин и орнаментированные серебряные головки-набалдашники с небольшим расширением в верхней части с боковыми выступами (The ancient, 1996, p. 106-107, №41-44).

Ножны с арочными скобами-петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, с вырезом в виде «ласточкина хвоста». Практически такие ножны имеются в уже упоминаемых погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника. Ножны изготавливались из дерева, а ремни портупеи крепились к ним с помощью двух дуговидных скоб, расстояние между которыми было около 30 см. Причем, если по археологическим данным в Прикамье, на Средней Волге и в Подонье скобы на ножнах сабель не имели декоративных орнаментированных щитков, то на ножнах мадьярских сабель они присутствуют.

Колчан изображенный на утемильском блюде (рис.5-6) практически идентичен по внешнему виду, и, очевидно, по конструкции колчанам из раскопок кочевнических могильников VIII–IX в. евразийских степей, а также могильников болгар на Волге второй половины VIII – начала IX в., например, Больше-Тарханского.

Таким образом, мужской всаднический венгерский костюм IX в. представлен распашным двухбортным кафтаном с длинным подолом, закрывающим ноги всадника до колен и с левым запахом. Ткань для его изготовления использовалась разная: плотная практически без складок, прошитая или стеганая, узорчатая плотно облегающая тело. Не исключено что в последнем случае кафтан был обшит шелком. Кафтан украшался шелковой каймой по подолу и на рукавах, что подтверждается археологическими материалами (Иерусалимская, 2012, с. 215). Всадник подпоясывался кожаным поясом, украшенным металлическими накладками прямоугольной или квадратной формы. Он был обут в сапоги сложного кроя с мягкой подошвой без каблуков с высоким голенищем. На голове - невысокая шапочка с округлым верхом, сшитая из меховых шкурок и ткани или матерчатая (войлочная) шапочка с полукруглым верхом и завернутыми наверх полями. Из вооружения - сабля или колчан. Из конского снаряжения - уздечка с псалиями, седло со стременами, ремни украшены накладками и декоративными подвесками круглой или сердцевидной формы. Что касается времени бытования такого костюма, то его можно отнести ко второй половине IX – началу – первой трети X в. периоду совершения захоронений на Больше-Тиганском могильнике в Татарстане (Казаков, 1992, с. 76, 77), археологические материалы которого находят соответствия в изображениях всадников на изделиях урало-венгерского центра художественного металла.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Банк В.А. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. М.: Наука. Гл. ред. восточн. лит-ры, 1978. 202 с.

Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII − начало X в. Самара: СГТУ, 2012. 350 с.

Второй Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск, Щадринск, 13−15 августа, 2013 г.): сб. науч. тр. / отв. ред. С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. 256 с.

Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай / Вопросы археологии Урала Вып. 3. / Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 1. Свердловск: Уральский государственных университет, 1962. 139с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206. Серия «Археология». Том 18(20).

Доде З.В. Костюмы персонажей Кяфарской гробницы // Аланская гробница XI века. - Ставрополь: Ставропольский гос. объед. Краевед. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, 1994. С.36-50.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Вост. лит-ра, 2001. 136 с.

Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб: Славия, 2012. 272 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Литвинский Б.А. Горное дело и ремесло // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / ред. Б.А. Литвинский. М.: Вост. лит-ра, 1995. С.7−90.

Лифанов Н.А. Рец.: Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII−начало X в. (Самара: СГТУ, 2012. 350 С.) // ПА. 2014. №2(8). С. 261−283.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 162 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 156 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.

Поп И.И. От первобытной общины к государству // Краткая история Чехословакии / ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. С. 5−38.

Руденко К.А. Некоторые вопросы исторической реконструкции средневекового костюма Волжской Булгарии на основе археологических материалов и ее представление в музейной экспозиции // Пензенский археологический сборник. Вып. 3 / Под ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 315–340.

Руденко К.А. Редкие находки эпохи хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 63–82.

Руденко К.А. Великая Венгрия и Леведия: венгры в Хазарии // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Науч.ред. А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов М.: Изд. дом Марджани, 2016а. С. 334–338.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. СПб: Типография В. Киршбаума, [2-го февраля] 1909. 18 с., 130 табл.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки / Под ред. Н.В. Федоровой. Салехард-СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 96 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государсвенного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III − VIII веков. М.: Искусство, 1987. 157 с.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры/Гершаим, 2001. 160 с.

Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.

Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 2000. С.296−384.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

Bayet Ch. 2009. Byzantine Art. N-Y.: Parkstone Press International.

Dekan J. 1976. Veĺká Morava. Doba a umenie. Bratislava: Tatran.

Chalikowa E. A., Chalikow A. H. 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Zum ehrenvollen andenken an Elena Alexandrwna Chalikowa. Der unermüdlichen forscherin der urungarn: Régészeti füzetek ser. II. No. 21. Magyar Nemzeti Muzeum.

Iotov V. 2008. A note on the "hungarian sabers" of Medieval Bulgaria. In: Other Europe in the Middle Ages. In Curta F., Kovalev R. (eds.). *Avars, Bulgars, Khazars and Cumans*. Leiden – Boston: Brill, 327–338. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2).

László. 1988. Gyula Arpad nepe. Budapesten.

The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. 1996. Istvan Fodor ed. Budapest: Hungarian National museum.

The glory of the Silk Road Art from Ancient China. 2003. Li Jian ed.. Dayton: Art institute.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF HUNGARIAN MEN'S CEREMONIAL COSTUME AND HORSE HARNESS OF THE GREAT HUNGARY PERIOD (ON THE BASIS OF FINE ARTS AND ARCHEOLOGICAL SOURCES)

K.A. Rudenko

The article is dedicated to the reconstruction of a medieval Hungarian men's costume on the basis of a comprehensive analysis of graphic materials and archaeological data. This fills the gap in the study of the early medieval Hungarian costume of the "Great Hungary" period, as it has primarily focused on women's clothing and jewelry. The source of reconstruction materials were steel products from the Ural-Hungarian Center of Artistic Metal featuring the image of a rider with a bird of prey - the so-called "falconer" (Fig. 3-2; 4; 5-6). The author is convinced that despite the fact that this plot is widely spread, the images of a hunter with a falcon or eagle is most characteristic of the 9th century and associated with the East-European steppes. The drawings on the products of the Urolo-Hungarian Center and the data obtained from the excavations of the 9th and early 10th century burial grounds in Tatarstan and Bashkortostan suggest that men's ceremonial Hungarian costume (outerwear) included a long caftan, a waist belt, boots, and headwear. The headwear was a low cap with a round top sewn from fur skins and fabrics, or a cloth (felt) cap with a semicircular top and rolled up flaps. The kaftan was double-breasted and decorated with a silk lining along the hem and sleeves. The boots feature a complex design pattern with a soft sole, no heels and high top (Fig.5). The weapons included a saber or quiver. The horse harness consisted of a bridle with psalia, a saddle with stirrups, belts decorated with overlays and round or heart-shaped decorative pendants.

Keywords: archaeology, Great Hungary, Great Moravia, Khazars, Urals, Volga, medieval art.

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Рис. 1. Реконструкция мужского (1,2) и женского (3,4) костюма по раскопкам Больше-Тиганского могильника. 1 - погр. 37; 2- погр.28; 3- погр.20; 4- погр.30 (по: Chalikowa, Chalikow, 1981, s. 32, 40, 41, 44, abb., 20, 30,32,34).

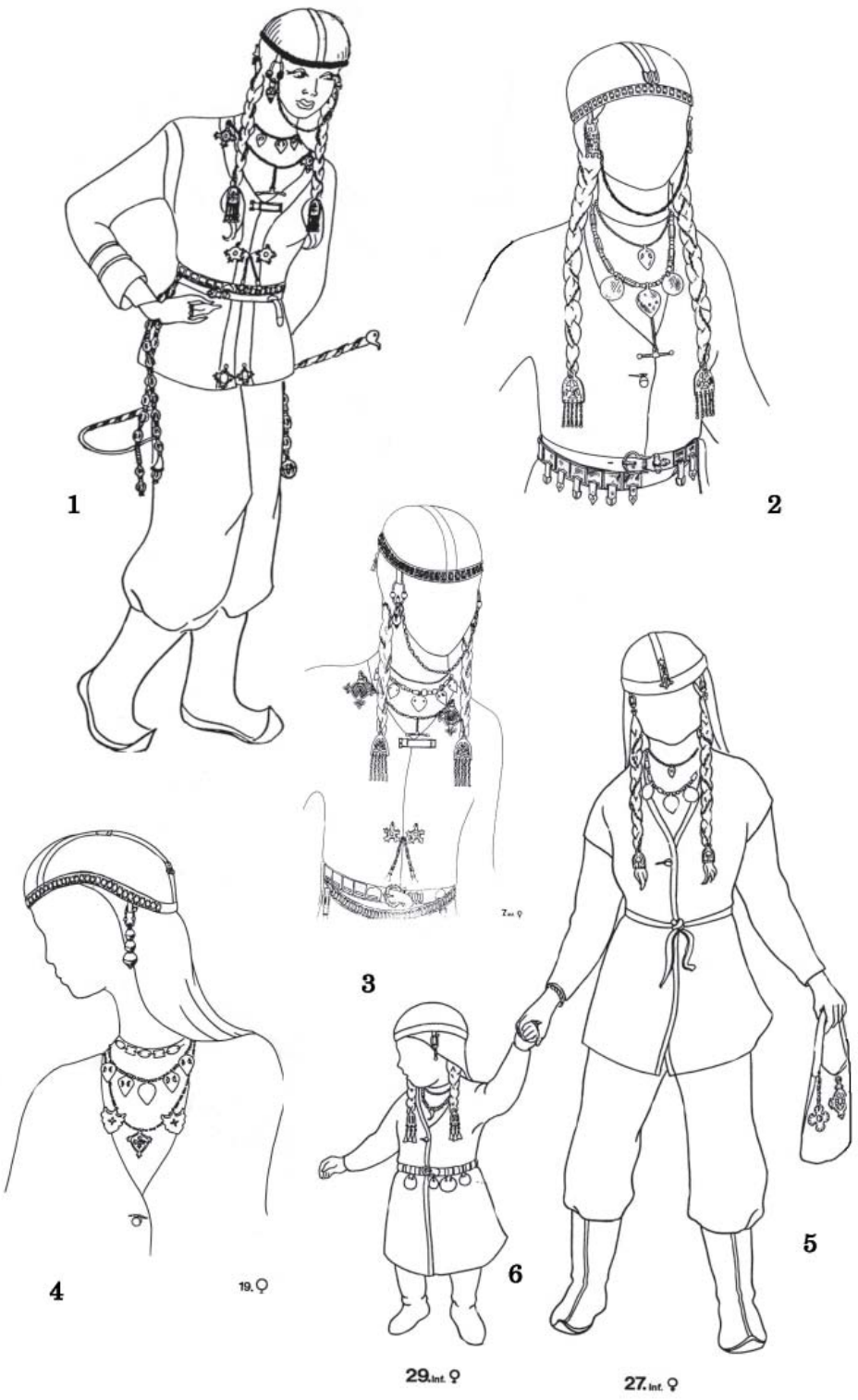

Рис. 2. Реконструкция женского костюма по раскопкам Больше-Тиганского могильника. 1- погр. 7; 2- погр. 17; 3- погр. 7 (деталь); 4 - погр.19; 5 - погр. 27; 6 - погр. 29 (по: Chalikowa, Chalikow, 1981, s. 19, 29, 31, 37, abb., 7,8, 22, 24, 33).

1

2

Рис. 3. Украшения с изображением «сокольничего». 1- серебряный медальон Старое Место, Великая Моравия, 2-я пол. IX в. (по: Dekan, 1976, ил. 131); 2- серебряная накладка, Урало-венгерский центр. IX в. Собрание Фонда Ш. Марджани (ФМ, инв. №Им/м-397).

Рис.4. Серебряное блюдо с изображением сокольничего. Урало-венгерский центр. IX в. МВК им. И.С. Шемановского ЯНАО. (по: Сокровища, 2003, с. 53, 57, кат.19).

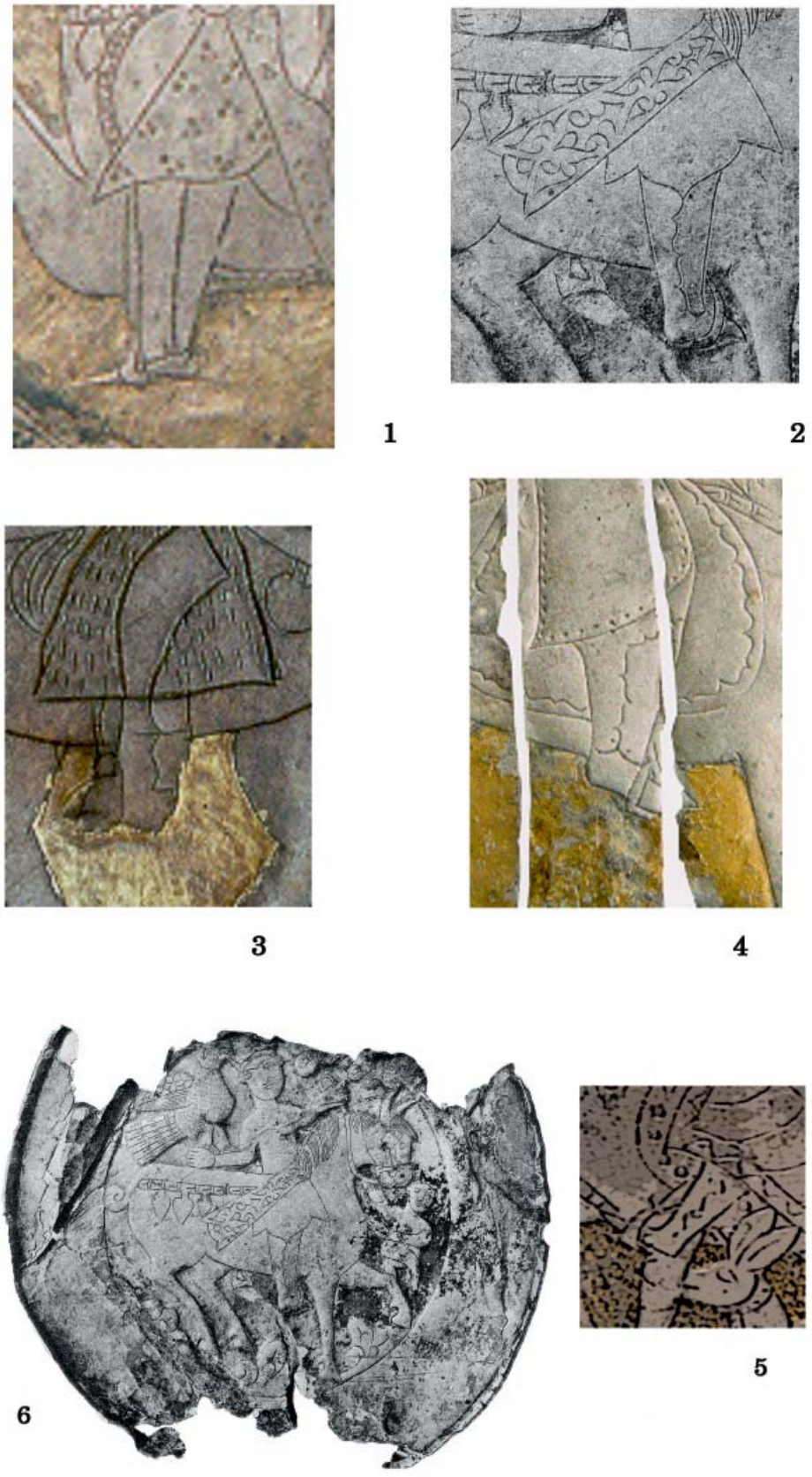

Рис.5. Изображение сапог всадников на изделиях Урало-венгерского центра. 1,4,5 блюда из собрания МВК им. И.С. Шемановского ЯНАО; 2,3,6 - собрание ГЭ. 6 (фрагмент: 2) - (по: Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157); 5 - собрание ФМ; 1,3,4 (по: Сокровища, 2003, с. 53, 56, 57, кат. 19,21,22).

1

2

Рис.6. 1 - Костяная пластина с изображением триумфа императора (фрагмент). Начало VI в. (Bayet, 2009, p. 57); 2 - глиняная скульптура эпохи Тан. Начало VIII в. н.э. (по: The glory, 2003, p. 177).

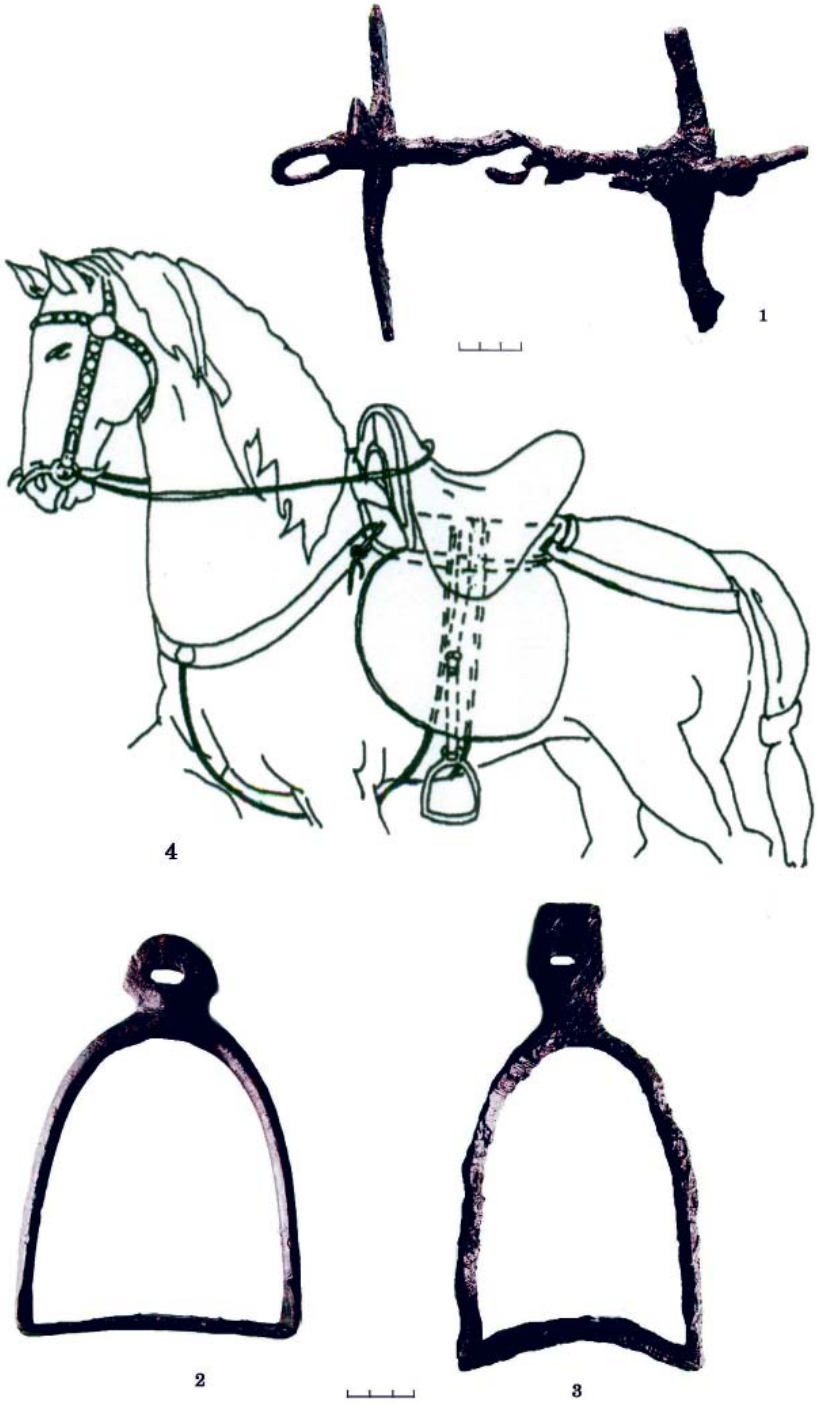

Рис. 7. Удила (1) и стремена (2,3) из Больше-Тарханского могильника. IX в. Собрание НМ РТ, инв. №№ 14225; 12225. 4 - реконструкция конского снаряжения (по: László, 1988, s. 100, kep. 108).